

Было время. Гермиона так нервничала, она была парадоксально спокойна, каждый мускул напрягся, когда она сжимала руку Лили. С ней были Ремус, Джеймс, Сириус. Они стояли у озера, ожидая появления Гарри. Лили и Джеймс показали Гермионе точное место, где они ее нашли, и группа встала перед ним, Лили и Гермиона впереди. Было почти двенадцать, и Гарри должен был родиться через три минуты.

Гермиона отпустила руку Лили и быстро прошептала молитву. Она шагнула вперед, чуть впереди группы. Она повернулась к Ремусу и Сириусу и еще раз объяснила: «Помните, Гарри может быть шокирован, увидев вас, так как я знаю, что по крайней мере один из вас мертв в нашем измерении. Так что, если он обнимет вас или скажет что-то странное, просто соглашайтесь. Лили, Джеймс, он подумает, что умер, когда увидит вас. Просто подождите, пока я скажу ему, где он. Вероятно, для него будет лучше не видеть вас сразу, ребята, хорошо? Хотя все они уже слышали это раньше, они кивнули, лишь слегка закатив глаза Сириуса. Гермиона посмотрела на часы, пробормотав: «Одна минута», прежде чем подойти ближе к этому месту лицом к Мародерам. Она снова посмотрела, выжидая, бормоча: «Пять, четыре, три, два...»

Ничего не произошло.

Гермиона недоверчиво посмотрела на часы, затем посмотрела на очертания Хогвартса. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать перемену в воздухе; в ушах у нее звенело, и тут ее вдруг ослепил яркий свет, ярко сиявший прямо перед ней. Раздался глухой удар, и Гермиона увидела, как внезапно появился Гарри с палочкой наготове и неуверенным взглядом вокруг.

Она шевельнулась, и его глаза метнулись к ней. Его глаза расширились, и она подбежала к нему, обвивая его руками, в то время как он обнимал ее. Он шептал: «Гермиона, о, Миона, Гермиона, ты в безопасности, о Гермиона», и она делала то же самое, повторяя его имя снова и снова, слезы текли по ее щекам, счастливые слезы. Он был там, в ее руках, выше, чем был раньше (ее голова доставала только до его груди), плечи более полные, твердые мышцы, легкая щетина и тот мускусный запах, который был... Гарри.

Он отстранился, чтобы полностью взглянуть на нее, и его глаза встретились с ней, и она растворилась в этих завораживающих изумрудах, которые так долго любила. Ее сердце остановилось, когда он наклонился, чтобы прикоснуться губами к ее уху, и прошептал: «Я так люблю тебя, Гермиона», прежде чем снова отстраниться и поцеловать ее, медленно и сладко, любовь и нежность в его взгляде проявлялись в каждой строчке. его лицо, один раз погладив ее по щеке, прежде чем отстраниться и заправить прядь волос ей за ухо, чтобы он мог видеть ее глаза.

— Гарри... — начала было она, но остановилась. Его глаза потускнели, и она увидела, как он начал почти сдвигаться от осознанного отказа. Не находя слов, она обвила руками его шею, потянулась на цыпочках, чтобы сказать ему на ухо: «Я тоже тебя люблю», и его глаза из мягких стали жесткими, в них ярко сияли голод и вожделение. На этот раз он поднял ее, и она обвила ногами его талию, целуя изо всех сил, радуясь вкусу его языка, ярости его поцелуя, любви, которую она испытывала к нему, а он к ней.

Она смутно услышала, как кто-то прочистил горло, поэтому неохотно отстранилась от губ Гарри, положив голову ему на плечо. "Гарри?"

Он ухмыльнулся ей, явно в экстазе. — Да, Миона?

— Нам нужно поговорить. Что ты помнишь последним? Она наблюдала за его лицом и могла сказать, что он обеспокоенно оглядывается.

— Я был... я был в Хогвартсе. Последнее, что я помню, — это то, как я стоял над Волдемортом. Теперь он мертв, Гермиона. Как я сюда попал? Он осторожно опустил ее, и она тут же соскучилась по его объятиям.

Она посмотрела на землю и тихо сказала: «Ты помнишь, когда я исчезла?» Она подождала, пока он кивнет, и продолжила. — То заклинание, которое сотворил Волдеморт, должно было перенести нас в другое измерение. Из проведенного мной исследования я понял, что оно было специально написано, чтобы воздействовать только на тех, кто находится в радиусе двадцати футов и без Темной метки. Не знаю, почему потребовалось больше времени, чтобы подействовать на тебя, но...

Гарри пристально посмотрел на нее, тихо спрашивая: — Будет ли частички души Волдеморта в моей голове достаточно, чтобы защищать меня достаточно время? В его глазах была боль, которую она никогда раньше не видела.

Ей казалось, что ее мозг работает со скоростью мили в минуту, создавая связи и перескакивая к различным идеям. "Да... но это бы..." Она посмотрела на него, охваченная ужасом. — Ты был хоркруксом?

Гарри кивнул, закрыл глаза и положил голову ей на плечо, для этого ему пришлось сильно наклониться. — Да. И этот ублюдок Дамблдор никогда мне не говорил. Как ты узнал, что я буду здесь? Он поднял голову, и Гермиона на мгновение ощутила ошеломление от его взгляда.

«Из-за твоей магической подписи и даты рождения, о, много чего, например, где ты стоял. Но самым важным были магические свойства зимнего солнцестояния. Будь тем, кто нарисует тебя, сколько бы времени ни прошло в нашем измерении, — Гермиона нервно взглянула на него из-под ресниц. «Гарри, мы в другом измерении, в 1977 году».

"Другое измерение?" — спросил Гарри, не совсем понимая. "Как в..."

Гермиона, приготовившись к вопросу, ответила. «Представьте себе струны, наложенные друг на друга. Они начинаются одинаково, но каждая из них отличается одной или двумя вещами. Они меняются, переплетаются, а иногда и соприкасаются. семидесятых, в Хогвартсе, в мире, который не такой, но не сильно отличается от нашего».

Лоб Гарри сморщился, как всегда, когда он считал. — 1977 год, Гермиона, значит, мы в Хогвартсе с моими родителями! С Сириусом! Он посмотрел на нее, и она увидела, что он выглядит ошеломленным и вне себя от радости. — Гермиона, ты их знаешь?

Она кивнула, затем ответила: — Да, Гарри. Я здесь с октября. Я делю комнату с твоей мамой, играю в шахматы с Сириусом и читаю с Ремусом, и... — она на мгновение замолчала. — Поскольку это другое измерение, мы можем что-то изменить. Я рассказала твоим родителям, Сириусу и Ремусу все. Они ждут встречи с тобой, — закончила она, взяв его за руку и повернувшись лицом к группе.

Она немного покраснела, смущенная тем, что они видели, как она так резко отреагировала на Гарри. Она совершенно забыла, что у них есть аудитория. Она почувствовала, как широкая улыбка сползла с ее лица, когда она увидела взгляды, которые Ремус и Сириус бросали на Гарри. Она посмотрела на них в ответ, и они оба приняли виноватые взгляды. Она почувствовала, как его рука дрожит в ее руке, и ободряюще сжала ее. Он снова наклонился, чтобы коснуться своими чудесными губами ее уха, и прошептал: «Помоги мне, Миона?»

Она засмеялась и сказала: «Конечно, Гарри». Она подвела его к Лили и Джеймсу, которые смотрели на него со слезами на глазах. «Гарри, Лили Эванс и Джеймс Поттер. Лили, Джеймс, Гарри Поттер, твой сын».

Лили вырвала свою руку из руки Джеймса и обняла Гарри, который похлопал ее по спине одной рукой, отказываясь отпустить руку Гермионы. Он пожал руку отцу и в последний раз сжал мать. «Гарри, Сириус и Ремус. Мальчики, Гарри Поттер».

Ремус довольно благосклонно протянул руку, но Сириус просто смотрел на него, пока Гермиона не хлопнула его по руке. «Сириус Орион Блэк, я думал, что сказал тебе быть вежливым! Я сказал тебе, что у меня есть кто-то дома, а ты отказался слушать».

Неохотно Сириус протянул руку Гарри, который казался обиженным. — Бродяга? Гермиона, что происходит? Почему Сириус так себя ведет?

Гермиона покачала головой и потянулась к Гарри, пытаясь добраться до его уха. Он услужливо наклонился, и его лицо стало суровым, когда он услышал, как она сказала: «Сириус и Ремус не оставляли меня одну с тех пор, как я здесь. Я сказал им, что недоступен, но Сириус отказался слушать. пытался заставить меня пойти с ним в Хогсמיד с первого дня. Не обижайся, если он поначалу будет немного груб с тобой».

Он посмотрел на Сириуса с сочувствием, но не уступая. Ему было странно видеть, как человек, которого он так долго боготворил, смотрит на него такими сердитыми глазами. Покачав головой, он сказал: — Нам нужно поговорить. Гермиона недоступна, и нам нужно тщательно это обсудить, Сириус. В его голосе был отчетливый оттенок предупреждения, который узнали и Гермиона, и Сириус.

— Гарри, остановись, — мягко приказала Гермиона. О Сириусе позаботились, а о Гарри нет.

Она могла видеть на нем порезы и царапины, которые выглядели отвратительно, и ее беспокоили другие раны, которых она, возможно, не видела. «Пойдем со мной, нам нужно доставить тебя в больничное крыло, чтобы тебя перелечили. У тебя всего несколько травм, но если ты не вылечишься в ближайшее время, они никуда не исчезнут. Я объясню подробнее, когда мы одни.» Он кивнул и крепко сжал ее руку. Путь до Больничного Крыла был напряженным, Сириус отправился в Башню, увлекая за собой Ремуса.

Мадам Помфри провела его полную проверку, исцелила его порезы и сказала, что ему нужно больше есть. Затем она позволила Лили и Джеймсу «навестить» его, пока она проверяла Гермиону, задергивая занавеску, чтобы мальчики не видели, как она снимает мантию. Лили сидела рядом с Гарри, и оба рассматривали друг друга одинаковыми зелеными глазами. Они были ровесниками, точнее, Гарри был старше, но она все еще чувствовала к нему глубокий материнский инстинкт. Она осторожно протянула руку и погладила его по волосам. Он вздрогнул от ее прикосновения, глядя на ее лицо.

— Как много Гермиона рассказывала тебе о моей жизни? — спросил он с опаской.

Выражение лица Лили сказало ему, прежде чем она ответила. — Почти все. Однажды она была в одном из своих настроений, она весь день говорила о тебе. Она рассказала мне все о твоей жизни, о твоих годах в Хогвартсе. Она также рассказала мне о моей сестре. Лили нахмурилась, но положила руку на руку Гарри. «Я позаботился об этом. Теперь у нас гораздо лучшие отношения, Гермиона снова заставила нас поговорить. Если что-то случится со мной и Джеймсом, и по какой-то причине наш ребенок попадет к ней, я уверен, что она отнесется к ним» Что ж."

Она посмотрела на мальчика, который представлял собой странную смесь незнакомца/сына. — Моя мать так гладила меня по волосам, когда я была маленькой, — сказала она тихим голосом. «Это всегда заставляло меня чувствовать себя в безопасности. Я всегда говорила, что сделаю то же самое для своих детей».

Гарри кивнул, сжимая руку матери. — Спасибо, — сказал он, одарив ее настороженной улыбкой.

Он позволил моменту отдохнуть, пытаясь прислушаться к тому, что говорила мадам Помфри. Сквозь занавеску он мог видеть очертания тела Гермионы и задавался вопросом, когда она успела так похудеть. Малышка-толстушка, которая у нее была в двенадцать лет, давно растворилась, но новые очертания ее тревожили.

— Мисс Грейнджер, вы весите чуть больше ста десяти фунтов. Мне казалось, я сказал вам есть? Раздался упрекающий голос матроны.

Гарри определил, что это легкое фырканье является любимым выражением вежливого раздражения Гермионы. «Я ел. Эффекты межпространственного путешествия означают, что мое тело заморожено. Я не могу набрать вес и не могу исцелиться. Разве Дамблдор не говорил вам ?"

"Нет. Тот человек... Так вот почему твоя рана не зажила так, как должна была бы. Мне жаль, что я больше ничего не могу сделать с этим, так как нож был заклят от боли и гноения. Я Вы вычистили инфекцию, но рана будет беспокоить вас некоторое время. У вас есть строгие инструкции не получать травм, мисс Грейнджер.

— А Гарри? Как он? В ее голосе звучала неподдельная озабоченность, такая разная, но такая похожая на бесчисленное количество раз, когда она задавала один и тот же вопрос, десятки лет назад.

«С мужчиной все в порядке. Однако он выздоравливает от какой-то неприятной темной магии, которая ограничивала его рост большую часть его жизни. Вы можете идти, мисс Грейнджер. Не забудьте нанести это на ножевую рану, а это на шрам тебе на грудь».

— Спасибо, мадам Помфри, — бросила Гермиона через плечо. — Гарри, теперь мы можем идти. Я уверен, ты устал.

Гарри встал, подошёл к ней и откинул волосы с её лица. — Гермиона? Какое ножевое ранение?

Она вздрогнула. "Ты слышал?"

"Да. Покажи мне?" Она покраснела и кивнула, стянув халат и приподняв край свитера, чтобы показать ужасную рану. — О, Миона. Как это случилось? Он нежно провел рукой по ее животу, чувствуя, как напряглись ее мышцы. Он был потрясен, увидев, что если бы захотел, то мог бы сосчитать ее ребра. Почему она была такой худой? Она выглядела похожей, когда он ненадолго увидел ее в Малфой-мэноре, но... Она сказала что-то о том, что не набирает вес. Идеальный.

Она смотрела в пол, стараясь не встречаться с ним взглядом. — Волдеморт. Он пытался ударить тебя им.

— Значит, ты прыгаешь перед ним? Он осторожно притянул ее в свои объятия. «Я знал, что есть причина, по которой я люблю тебя», — прошептал он ей на ухо, поднимая ее подбородок, чтобы она смотрела ему в глаза. — Но если ты еще раз сделаешь это, я...

— Мистер Поттер? И Джеймс, и Гарри обернулись, затем посмотрели друг на друга и ухмыльнулись. Они были так похожи, что могли быть близнецами. Единственная разница заключалась в том, что Гарри был более мускулистым и имел больше шрамов. И, конечно же, глаза.

Гермиона отбросила эти мысли на задний план, чтобы обратиться к Дамблдору, только что вошедшему в Больничное Крыло. Гермиона слегка ухмыльнулась, увидев растерянное выражение лица Дамблдора, когда он увидел выражение ненависти и разочарования на лице Гарри. — А, мистер Гарри Поттер. Я пришел посмотреть, как вы себя чувствуете. Вы в гораздо лучшем состоянии, чем мисс Грейнджер, когда она прибыла сюда. Я очень рад, что наши расчеты оказались правильными.

— вмешалась Гермиона. — Профессор Дамблдор, я уже говорил вам, что Дамблдор в нашем измерении не на нашей стороне. Недавно я обнаружил, что он большой мошенник, чем я думал. Пожалуйста, расскажите нам прикрытие Гарри, и мы оставлять."

Все посмотрели на нее с удивлением, но Гермиона не сводила глаз с Дамблдора. Он прочистил горло и нервно заговорил, переводя взгляд с Гарри на Гермиону. «Ну, мистер Поттер достаточно похож на Джеймса, чтобы сойти за двоюродных братьев, если не за братьев. Возможно, он может быть вашим двоюродным братом, который до сих пор учился с мисс Грейнджер, и он тоже беженец?» Все переглянулись, и Гарри кивнул Джеймсу.

«Я напишу своим родителям, чтобы сообщить им, что у нас есть таинственная новая кузина. Увидимся», — Джеймс выбрался оттуда так быстро, как только мог, волоча за собой Лили.

После последнего подтверждения Гарри и Гермиона ушли, оставив только один комментарий от Гарри Дамблдору. «Сэр, я хочу, чтобы вы кое-что помнили в ближайшие годы. Пожалуйста, не делайте того, чем Ариана не гордилась бы», — и Гарри с Гермионой покинули Больничное Крыло.

Гарри обнял Гермиону, наслаждаясь тем, что теперь он может это сделать. Это была сумасшедшая ночь для Гарри Джеймса Поттера. Он обнаружил, что он хоркрукс, умер, победил Волдеморта, перенесся в другое измерение, нашел свою лучшую подругу, которая пропала без вести почти три месяца, поцеловал ее, встретил своих родителей и мертвого крестного отца, и обнаружил в этом измерении своего крестного отца. на данный момент ненавидит его.

После исчезновения Гермионы в поместье Малфоев начался хаос. У Гарри был огромный взрыв случайной магии, аппарировавший через обереги в Поместье и обереги в Коттедже Шелл, где прятались Рон, Невилл и Луна. Гарри потерял сознание и несколько дней не отвечал, не в силах поверить, что Гермиона ушла. Ему было очень больно бодрствовать, поэтому он заснул. Наконец долгий разговор с Луной привел его в чувство. Он прошел через движения, охотясь на хоркруксы, в конечном итоге сражаясь в Хогвартсе. После того, как Снейп умер, он узнал, что ему суждено умереть. Это на самом деле заставило его почувствовать себя лучше, рассчитывая, что скоро он будет с Гермионой. Однако, когда он покрутил в руке Камень Воскресения, Гермиона не появилась. Это обескуражило его, и он без страха пошел на смерть. После долгого обсуждения с Дамблдором, он понял, что влюблен в Гермиону. Когда он оглянулся на то время, когда они были вместе, он понял, что она, вероятно, тоже любила его. Обладая этим знанием, он победил Волдеморта, выиграв Бужинную палочку. Как только Том умер, Гарри испытал боль и прилив сил, ослабляющий эффект хоркрукса исчез впервые за шестнадцать лет.

Он посмотрел на толпу, Пожиратели Смерти падали, схватившись за руки. Последней мыслью, пронесшейся в его голове, было то, что это так похоже на Волдеморта, что все его последователи умрут вместе с ним. Затем он оказался в туннеле, светящемся светом, и он мог видеть несколько отверстий и людей, движущихся в них, словно это были порталы. Золотой свет, окружавший его, направлял его к порталу, через который он мог видеть что-то похожее на озеро в Хогвартсе. Он провалился, приземлившись на ноги, с палочкой наготове.

Он заметил движение рядом с собой и был готов отшвырнуть человека прочь, когда узнал вьющуюся гриву волос цвета красного дерева, то лицо, которое месяцами преследовало его во сне. Он почти не мог в это поверить, когда она бросилась в его объятия, и он обнял ее, прижав к своему телу как можно ближе. Он смутно осознавал, что повторяет ее имя снова и снова, чувствуя, как ее лицо намокает на его рубашке. Она была такой хрупкой в его объятиях, нематериальной. Для него было слишком тяжело вдыхать тот цветочный аромат, который он впервые почувствовал тем летом в Норе, слышать, как она повторяет его имя и обнимает его так же крепко, как он обнимает ее.

Ему нравилось ощущение, что ее тело прижимается к ней, но он хотел снова увидеть ее лицо, пробежать глазами по ее чертам. Он отстранился, глядя ей в глаза, на мгновение потерявшись. В этот момент он понял, что она тоже любит его. Он наклонился (когда она успела стать такой крошечной? Когда он вырос?), прижавшись губами к ее уху, наслаждаясь легкой дрожью, которую она вызвала. — Я так тебя люблю, Гермiona. А потом он поцеловал ее, одной рукой обхватив за поясницу, притянув к себе, другой рукой удерживая ее лицо. Ее глаза были широко раскрыты и изумлены, а потом она растворилась в нем. Он отстранился, заправив прядь ее волос за ухо, чтобы лучше видеть ее глаза.

— Гарри... — она остановилась. Он ждал, в его голове роились сомнения. Он был уверен, что неправильно ее понял, он был прав, она предпочла Рона, а потом сказала, что любит его, притягивая его к себе. Его мир рухнул на свои места, и он смотрел на нее, замечая вещи, которые раньше не позволял себе замечать. Он не знал, когда у нее выросли груди, бедра, когда ее лицо утратило детскую округлость, и он принял это сейчас, целуя ее, чувствуя, как она целует его в ответ. Он знал, что должен наклониться, чтобы поцеловать ее, поэтому, чтобы решить эту проблему, он поднял ее, застонав и снова атаковав ее рот, когда она обвила ногами его талию. Он смутно заметил, что на ней были джинсы и толстый свитер, который он хорошо помнил.

Прошло несколько ночей после того, как Рон убежал. Гермiona была очень подавлена, разгневана на Рона и близка к тому, чтобы разочароваться в Гарри. Радио было включено, Гарри отдавал дань уважения своему пропавшему другу. Спонтанно он встал и спросил ее, не хочет ли она танцевать. Последовала веселая и глупая ночь, закончившаяся смехом и весельем. Они рухнули на односпальную кровать Гермiony. Они оба заснули, проснувшись утром вместе. Позже в тот же день Гарри предложил отправиться в Годрикову Впадину.

Маленькая рука, обвивающая его талию, вернула его внимание к настоящему и к женщине, которая была под его рукой. Он притянул ее ближе к себе, чувствуя, что наконец-то осознает, что он со своей Мионой. Он был с ней, и это главное.

Они шли молча, просто утешая друг друга, пока не достигли четвертого этажа. Гермiona остановилась, удивив Гарри. "Гарри? Мы можем присесть на минутку?"

"Э-э... Конечно. Почему?" Он посмотрел на нее и увидел, что ее лицо было бледным, и снова его поразило, насколько она изменилась.

«Прежде чем наложить заклинание, Том ударил меня ножом. Здесь мы не можем вылечиться,

поэтому время от времени рана открывается и беспокоит меня. заживление проходит. Так что после ночного отдыха я буду в порядке еще пару недель». Гарри все еще выглядел взволнованным, но к ее лицу вернулась краска. Он наклонился к подоконнику, где она сидела.

— Садись мне на спину, — сказал он, ухмыляясь. Он знал, что она не согласится легко, и был прав.

"Гарри, я слишком ве-

«Гермиона, ты выглядишь так, будто порыв ветра может унести тебя. Я устал, и ты устала, а наши кровати на седьмом этаже. Я дам тебе спинку. Пожалуйста, Миона? " Он дал ей щенячи глаза, и она согласилась. На полпути ей стало лучше, поэтому она снова пошла, но когда они были всего в нескольких футах от него, он подхватил ее, как невеста, и провел их в гостиную. Его оправданием было то, что он хотел обнять ее, просто чтобы убедиться, что она действительно здесь, и она была так счастлива быть рядом с ним, что согласилась без возражений.

Было приятно, что он нес ее, и слишком скоро они оказались у портретной дыры. Полная Дама удивленно посмотрела на них и открыла дверь, когда Гермиона назвала пароль. Гарри вошел в гостиную и остановился, увидев, что его мать и Мародеры, за исключением Питера, спорят. Все остановились и посмотрели на Гарри, который все еще нес Гермиону, затем Сириус удалился, а Джеймс пошел за ним. Ремус помахал рукой спокойной ночи, поднимаясь по лестнице вслед за друзьями.

Лили подошла к ним как раз в тот момент, когда Гарри опускал Гермиону, схватив ее за руку, как только ее ноги коснулись земли. Он ни за что не хотел отпускать ее, и ему нравилось ощущение ее крошечной руки в его ладони. Они всегда держались за руки или обнимались, но теперь казалось, что это имеет большее значение. Тем не менее, Гарри все еще не был уверен, что они были...

Лили положила ладонь на руку Гарри, тихо говоря, и вздрогнула, когда услышала, как наверху хлопнула дверь. «Мне очень жаль, Гарри. Сириус все еще расстроен. Ты будешь спать с мальчиками. У них есть дополнительная кровать, так как Джеймс дал Фрэнку главный номер. Джеймс хотел остаться со своими друзьями, как и я. Спокойной ночи, Гарри, Гермиона». - закончила она, поднимаясь по лестнице.

Гермиона села на один из диванов, потянув за собой Гарри. — Нам нужно поговорить, Гарри. О том, что тебе здесь нужно знать, о том, что мы собираемся сказать, о... нас.

<http://tl.rulate.ru/book/79341/2397794>